

П О Н Я Т И Е   П О Т Р Е Б Н О С Т И
И Е Г О   Т Е О Р Е Т И К О - П С И Х О Л О Г И Ч Е С К И Й
К О Н Т Е К С Т

В. С. МАГУН

1. *Потребности разных порядков.* Потребности и эмоционально-мотивационные феномены человеческой психики образуют сегодня один из фокусов научного и общественного внимания. С познанием этих явлений связываются надежды понять психологические механизмы деятельности, научиться предсказывать человеческие поступки и управлять ими. Кроме того, очевидна тесная связь потребностей и эмоций с переживаниями счастья и удовлетворенности человека разными сторонами и сферами жизни.

К сожалению, теоретическая ситуация в рассматриваемой области исследований характеризуется рядом нечеткостей и противоречий [22], что мешает психологии и связанным с нею наукам дать адекватный ответ на острые практические запросы, касающиеся потребностей и их формирования. В данной статье будут рассмотрены возможные способы упорядочения и реконструкции сложившегося концептуального аппарата и их эвристический потенциал.

В основу определения потребностей целесообразно положить понятия сохранения и развития (совершенствования) субъекта. Научным и обыденным сознанием феномены сохранения и развития воспринимаются как проявления благополучия субъекта [7; 55], поэтому для обозначения данных процессов и образующих их состояний естественно воспользоваться термином, «благо» [22]. Этим же термином обозначим те состояния и процессы субъекта и его внешней среды, которые являются причинами (условиями) сохранения и развития субъекта.

Практический и научный интерес представляют главным образом те процессы сохранения и развития субъекта, которые подвержены обратимым

нарушениям. Обратимое нарушение, т. е. восполнимое отсутствие какого-либо блага X , как раз и можно назвать «потребностью в благо X »: человек при этом действительно часто требует восстановления нарушенной целостности, прерванного процесса развития или же появления условий, обеспечивающих это восстановление.

Таким образом, потребность в благо X — это отсутствие этого блага в течение определенного периода времени, а благо X — наоборот, отсутствие потребности в нем. Иными словами, наличие блага уничтожает или уменьшает соответствующую потребность, а наличие потребности — соответствующее благо. Использование двух категорий — «потребность» и «благо» — представляется не менее удобным, чем Традиционное выделение разных состояний самой потребности — ее дефицита и насыщения, поскольку оно ясно подчеркивает качественную разницу между двумя видами феноменов. Однако это вовсе не исключает возможности выделения их общих черт, что достигается благодаря использованию понятия ценности. Благо — это позитивная ценность (или нечто полезное), а потребность — негативная ценность (или нечто вредное)¹.

Трактовка потребности как негативной ценности часто вызывает возражения на тех основаниях, что напряженные потребности — это необходимые предпосылки переживаний радости и счастья, что существует представление о богатстве потребностей и т. п. На наш взгляд, подобные аргументы просто указывают на то, что большинство

¹ О разделении ценностей на позитивные, негативные и нейтральные см. в [14], [15].

реальных процессов и состоянии человека амбивалентен, т. е. сочетает в себе положительные и отрицательные компоненты, свойства потребностей и благ. Любопытно, что приписывание благу положительной ценности не вызывает аналогичных возражений, хотя одни блага сочетаются с вредными воздействиями («ложка дегтя в бочке меда»), обладание другими бывает связано с постоянным страхом их потерять, приобретение третьих неотделимо от жертв и лишений (разнообразных «цен»). Таким образом, и в этих случаях, как правило, имеется амбивалентность. Мы лишим себя средств ее изучения, если откажемся аналитически расчленять амбивалентные явления, выделяя в них позитивные и негативные компоненты, т. е. блага и потребности.

Научный анализ итоговых, конечных, благ и потребностей не может быть обособлен от анализа их предпосылок. Повседневные факты, а также результаты специальных эмпирических исследований свидетельствуют о том, что значимыми для нас являются не только конечные, но и промежуточные ценности, не только цели, но и средства, такие, как стиль деятельности и стиль жизни, деньги, силы и энергия, необходимые для реализации наших намерений, жилищные и производственные условия и т. п. Показательны и некоторые итоги теоретических размышлений. Так, Г. Г. Дилигенский относит к потребностям физического существования не только биологические нужды организма, но и потребности в условиях, необходимых для удовлетворения этих нужд, — в денежном доходе, в необходимом для его получения месте в системе общественного производства, в общем и профессиональном образовании и т. п. [12]. Все это вполне закономерно, поскольку именно через удовлетворение промежуточных потребностей лежит путь к удовлетворению конечных, и, наоборот, отсутствие средств, ресурсов часто исключает возможность достижения, пусть даже и высокозначимых для человека, целей. Поэтому в предложенном выше определении благ объединены два их вида: и сами феномены сохранения или развития

субъекта и те обстоятельства, которые являются только их предпосылками, причинами, т. е. приводят к ним по прошествии определенного периода времени. Подобным же образом объединены и два вида потребностей.

Для того чтобы действительно интегрировать исследование конечных ценностей с изучением их предпосылок, можно использовать разные терминологические средства, «спор о словах» не должен мешать решению содержательных проблем. Однако нам кажется целесообразным опереться в этом пункте на традицию экономических наук. В этих науках сами состояния сохранности или развитости или их нарушения рассматриваются как блага и потребности первого порядка, непосредственные предпосылки этих состояний — как блага и потребности второго порядка, в свою очередь их предпосылки — как блага и потребности третьего порядка и т. д. Ценности высоких порядков называют также средствами, инструментальными благами, ресурсами для достижения благ более низких порядков или, соответственно, инструментальными потребностями, потребностями в средствах, ресурсах. Хотя здесь и могут быть отдельные совпадения, не следует смешивать различие между низшими и высшими порядками благ и потребностей с их делением на низшие и высшие по критериям индивидуальной или социальной зрелости.

2. *Потребности и их психические отражения.* Исходя из общих принципов материалистической психологии, необходимую теоретическую систему целесообразно строить на основе понятий объективного («непсихического») благополучия или неблагополучия субъекта. Нам представляется малопродуктивным определение потребности как эмоционального переживания, т. е. как психического феномена (см., например, [3; 41]). Хотя при этом и признается, что у человека существуют некоторые объективные нужды, но вопрос о соответствии между этими нуждами и их психическими отражениями, о механизмах отражения, по существу, не ставится. Подобная позиция, если ее про-

вести последовательно, фактически лишает других людей возможности судить о том, что для человека есть благо, а что — зло, что ему полезно, а что — вредно, вне зависимости от его собственных переживаний и представлений на этот счет.

Как же объективные ценности отражаются в психике человека?

Необходимым условием такого отражения являются специфические ощущения приятного или неприятного, удовольствия или неудовольствия (страдания), которое называют эмоциональными переживаниями [5; 43]. Связь эмоционального переживания с когнитивным отражением какого-либо события и дает человеку сведения о ценности данного события, о том, является оно потребностью (если переживается как страдание) или благом (если переживается как удовольствие). Иными словами, переживание оценивает когнитивно отраженное событие; оценкой называют и возникающее в результате этого целостное когнитивно-эмоциональное психическое образование.

Связи между когнитивными отражениями некоторых событий (например, хорошо знакомых человеку поступков окружающих) и соответствующими эмоциональными переживаниями уже установлены субъектом к любому произвольно взятому моменту времени. В подобных случаях когнитивная и эмоциональная составляющие психического отражения оказываются в памяти субъекта слиты, сплавлены, между собой. Поэтому и ценность воспринимаемых событий, и конкретное содержание переживаемых эмоций являются для человека «непосредственно» очевидными.

В то же время субъект отражает и такие события, ценностный статус которых ему не ясен, а также испытывает такие эмоциональные переживания, которые пока «не знают своего предмета» [18; 190], т. е. не ассоциировались с определенными когнитивными структурами. В подобных случаях для установления ценности событий человек прибегает к более или менее развернутой психической деятельности, которую называют оценочной или ценностно-

ориентационной [17]. Так субъект оценивает, например, непонятный поступок своего знакомого или полезность какого-нибудь нового товара.

В процессе ценностно-ориентационной деятельности имеют место два разных способа образования связей между когнитивными отражениями значимых событий и эмоциональными переживаниями. Если рассматриваемое событие является *причиной* некоторого переживания, то именно с этим переживанием оно и связывается в психике субъекта: обстоятельства, порождающие страдание, оцениваются отрицательно, причины, способствующие появлению удовольствия, оцениваются положительно [5; 62—71]. Если же предметом внимания субъекта становится событие, *устраняющее* некоторое переживание, то когнитивное отражение этого события ассоциируется в психике человека не с исходным эмоциональным переживанием, а с противоположным ему по знаку : ресурсы, *устраняющие* страдание, вызывают положительное эмоциональное переживание, а события, *устраняющие* удовольствие (или угрожающие ему), — отрицательное. Распространенностью подобных ценностно-ориентационных процессов в повседневной жизни объясняется наблюдающийся в последние десятилетия широкий научный интерес к феноменам каузальной атрибуции (причинного объяснения) и прогнозирования значимых событий; удобным методом их изучения является каузометрия [9].

Оценочная деятельность наиболее развернута в тех случаях, когда ее предметом является отражение ценностей высоких порядков. При этом связи между когнитивными отражениями этих ценностей и эмоциональными переживаниями субъект устанавливает не прямо, а через посредство когнитивных отражений ценностей более низких порядков, которые, как правило, уже ранее приобрели эмоциональную окраску. Так, например, работа химической промышленности осознается как условие выращивания сельскохозяйственных культур; эти культуры, в свою очередь, выступают в сознании человека как средства производства пищевых про-

дуктов, а образы последних уже непосредственно ассоциируются с эмоциональными переживаниями². Но даже при развернутом мыслительном отражении ценностей субъективные цепочки, реально удерживаемые человеком в сознании, как правило, коротки, фрагментарны и количество звеньев в них не превосходит «магического числа 7 ± 2 » [24].

Повторные отражения одной и той же последовательности ценностей ведут к тому, что звеньев в субъективной аксиологической цепочке становится еще меньше. Образы потребностей или благ низких порядков, опосредствующие связь между ценностью высокого порядка и эмоциональным переживанием, в процессе повторений начинают пропускаться сознанием, «проговариваться скороговоркой». В конце концов в сознании остается только когнитивное отражение ценности высокого порядка, которое теперь без специальных психических усилий, непосредственно, вызывает у субъекта эмоциональное переживание. При этом происходит как бы субъективное снижение порядка этой ценности, в глазах субъекта она начинает выступать как конечная, «смыслообразующая». Именно так формируются непосредственные эмоциональные переживания по поводу устойчивых инструментальных ценностей, таких, как социальная репутация, способности и активность субъекта, запасы времени и денег, стратегии и тактики поведения. Частная форма подобного процесса — субъективное превращение промежуточных целей в конечные (или, в терминологии А. Н. Леонтьева, «сдвиг мотива на цель») — была много лет назад описана Г. Олпортом и названа им трансформацией, или функциональной автономизацией, мотивов [37].

Стоит только четко развести оценочные психические феномены и их объективные прообразы, как в поле научного

² К субъективным отражениям связей между ценностями различных порядков относятся и те психические феномены, которые А. Н. Леонтьев называл личностными смыслами [18], а также операциональные смыслы [35]. В других теоретических системах те же явления называют отражениями инструментальных связей между событиями [44], [45].

внимания попадут и такие факты, которые указывают на искажение объективных прообразов в эмоционально-когнитивных образованиях. Так, например, эмоционально положительные вкусовые ощущения сегодня часто оказываются не связанными с реальными биологически позитивными эффектами пищевых продуктов. Более того, чрезмерное потребление, например, сахара, хотя оно и сопровождается положительными эмоциональными переживаниями, ведет к негативным эффектам, вплоть до тяжелых заболеваний. Обманчивы бывают и отрицательные эмоции: неприятный вкус горечи характерен для многих лекарств, приносящих человеку пользу (приходится «подслащивать пилюлю»). Возможности отрыва эмоциональных переживаний от объективно полезных или вредных эффектов ярко проявляются в ситуациях искусственной электрической стимуляции и самостимуляции эмоциогенных центров мозга [25], [30], [34], а также в ситуациях искусственного химического воздействия на эти центры [4]. Так же как анальгин успокаивает физическую боль (не устраняя самой болезни), некоторые химические вещества способны на какое-то время снять боль душевную.

Фактов, подобных описанному выше, существует довольно много, и их можно было бы использовать как раз *против* постановки вопроса об объективных потребностях и благах как прообразах эмоциональных феноменов. Однако нам представляется, что более конструктивна иная их интерпретация.

Из-за того, что *когнитивные* структуры, например образ предмета или мысль о нем, часто неточно отражают реальность, мы не отказываемся от представлений об объективном характере этой реальности и о возможности ее адекватного познания. Точно так же следует, наверное, поступить и в отношении *эмоционально-когнитивных* психических структур. Подобно понятию познавательных иллюзий (сенсорных, перцептивных, интеллектуальных) можно ввести понятие оценочных иллюзий, к числу которых и относятся, на наш взгляд, описанные выше факты. Некоторые по-

знавательные заблуждения направляли действия людей на протяжении многих столетий, и точно так же иллюзорный характер ряда эмоционально-оценочных конструкций не мешает им быть сильнейшими побудителями человеческой активности³.

Чтобы преодолеть оценочную иллюзию, человеку необходимо разрушить вводящую в заблуждение ассоциацию между когнитивным отражением некоторого события и эмоциональным переживанием и заменить прежнюю оценку события (а также связанное с ней побуждение к действию) на новую, более правильно отражающую потребности и блага субъекта. Благодаря подобной переоценке ценностей человек оказывается способным вкусную, но объективно вредную для него пищу оценить отрицательно, предпочесть откладывание денег на важную покупку их трате на сиюминутные удовольствия, принять решение работать вопреки чувству усталости и желанию отдохнуть. В подобных случаях отдаленная во времени ценность сталкивается с близкой, «вредное» или «полезное» с «приятным» или «неприятным».

Чтобы отвергнуть неверные эмоциональные подсказки (они воспринимаются субъектом как искушения, соблазны) и строить свои действия на основе правильных оценок своих подлинных потребностей и благ, человеку прихо-

³ В данном контексте становятся более понятными причины дискуссии о «самоценности эмоций». Существенным для некоторых теоретических подходов к эмоциям, например для концепции Б. И. Додонова [13], является утверждение о том, что эмоциональные переживания обладают самостоятельной ценностью для субъекта. С этой точкой зрения полемизирует П.В. Симонов, полагая, что эмоции приобретают ценность лишь благодаря тем реальным потребностям и благам, которые в эмоциях отражаются. Рассуждения же о самоценности эмоций похожи, по его мнению, на поиск «субстанции стоимости в денежных купюрах» [32; 40]. Нам кажется, что можно понять сторонников обеих позиций. Подход П. В. Симонова легко приложим к тем, по-видимому, более частым ситуациям, когда эмоциональные переживания адекватно отражают объективные ценности. Вместе с тем вполне естественно, что поскольку многие эмоции не подкрепляются объективными эффектами, то возникает теоретическая схема, в которой свойства исходных («самостоятельных») ценностей придаются субъективным переживаниям..

дится идти на дополнительные затраты психической энергии. Эти энергетические затраты и составляют, по-видимому, содержание волевых усилий человека, а воля выступает как способность к верному, объективному отражению ценностей в условиях борьбы с оценочными иллюзиями. Побудителем волевых усилий в таком случае является потребность человека в эффективной, рациональной, организации целостного процесса своей жизни⁴.

Хорошо известные факты свидетельствуют о том, что в тех же психологических формах, в которых человек отражает свои собственные ценности, он способен отражать потребности и блага других людей. Речь идет о феноменах сочувствия, сопереживания и эмпатии [6], [47], эмоционального резонанса [31], расширения "я" [11], [23], отношения к другому как к себе подобному [1.7], идентификации субъекта с социальной группой и усвоения ее норм. Благодаря всем этим процессам «в мотивах индивида отражаются не только его индивидуальные потребности», но и потребности других людей, социальных групп, общества в целом [19; 12], [20].

Во всех этих случаях образ чужого блага, или чужой потребности, порождает у субъекта переживание его собственного удовольствия или страдания. Поэтому, характеризуя подобные формы отражения социальных ценностей, говорят, что человек «не думает о себе», «забывает себя» что он «интернализировал» социальные нормы. С равным правом можно было бы сказать, что индивид забывает о том, что перед ним другой человек, воспринимая его потребности и блага как свои собственные. Содействие индивиду в расширении его «я», развитие и поощрение его способности понимать и чувствовать ценности других людей — важная задача нравственного воспитания.

⁴ Хотя в целом мыслительно опосредствованное отражение потребностей и благ резко повышает возможности познания ценностей, оно тоже может быть источником ошибок и оценочных иллюзий. В этих случаях выбрать наилучший с точки зрения его собственных интересов вариант человеку часто помогают как раз непроизвольно возникающие эмоции и чувства.

Примечательно, что совпадают не только психологические формы отражения человеком, своих и чужих потребностей, но и некоторые закономерности их регулирующего влияния. Эмпирические исследования показывают, что альтруистическая активность индивида тем ниже, чем дороже она ему обходится [26], [40], [46]. Очевидно, что та же зависимость действует и в ситуациях, когда человек удовлетворяет свои собственные потребности.

Необходимо только подчеркнуть, что, хотя чужие потребности при определенных условиях и воспринимаются индивидом как свои собственные, объективно они все же остаются принадлежащими другим людям, а не отражающему их субъекту. Отказавшись от признания этого положения, мы потеряем критерий нравственной дифференциации разных видов побуждений и действий. Получится, что вне зависимости от того, хочет ли человек доставить радость другим или же самому себе, приносит ли он другим людям пользу или же причиняет им вред, он действует ради своих собственных потребностей, т. е. ведет себя эгоистично.

Точно так же критерий дифференциации теряется и в том случае, когда все потребности человека рассматриваются как проявления общественных потребностей [27; 204].

Одни и те же события часто оказываются значимыми и для индивида, и для других людей. Поэтому характерным для психики человека является одновременное отражение своих и чужих ценностей в форме «сдвоенных переживаний»: «не хочу, но должен», «хочу и имею право», «нельзя, но хочу» и т. п.

3. *Потребности и ресурсы.* В психике человека отражения потребностей связываются с отражениями тех ресурсов, возможностей, которые имеются для их удовлетворения. Уже у детей образ потребности, которую может удовлетворять предмет, настолько тесно слит с образом самого этого предмета, что является одним из его ведущих опознавательных признаков [29], [33]. Многочисленные факты, полученные с помощью классической методики исследования

уровня притязаний, тоже наглядно свидетельствуют о том, что человек постоянно соотносит свои потребности в задачах определенной трудности с имеющимися у него способностями к их решению [8], [41].

Благодаря процессам установления связей между потребностями и ресурсами возникают, в частности, такие значимые для человеческой психики феномены, как цель и мотив. Общим моментом различных определенных цели является указание на связь между отражением потребности и побуждаемого ею действия; последнее же, как известно, выступает ведущим средством удовлетворения человеческих потребностей. Цель — это образ такой потребности, которая в психике человека ассоциируется с отражением действия, служащего ее удовлетворению, отсюда и выражения «цель деятельности», «цель поступка». Наличие в индивидуальном проекте будущего целей нескольких порядков побудило ввести специальное обозначение для конечных целей, в которых отражаются потребности первого порядка; эти цели, как правило, и называют мотивами. Хотя А. Н. Леонтьев придерживался другой точки зрения на различие между целями и мотивами [18], фактически он тоже чаще всего использовал термин «мотив» для обозначения конечной цели деятельности. На родство понятий мотива и цели обращала внимание Л. И. Анцыферова [1].

Любую потребность почти всегда можно удовлетворять с помощью различных ресурсов. Например, голод можно утолить, съев любое из множества блюд. В свою очередь для приобретения каждого из этих благ второго порядка существует тоже целый набор вариантов: можно приготовить пищу самому, попросить это сделать кого-либо из близких, поехать к друзьям, где будет угощение, поесть в столовой. Качественно различные ресурсы, удовлетворяющие одну и ту же потребность, называют функциональными эквивалентами.

Формула «потребность удовлетворяется в деятельности» общепринята в психологии. Однако при этом обычно

подразумевается деятельность самого индивида — носителя потребности, а ее функциональные эквиваленты — услуги других людей, а также социальных, технических, природных и иных систем, способных почти полностью заменить деятельность субъекта, — остаются вне поля зрения.

Факты чужого участия в удовлетворении потребностей субъекта достаточно очевидны, надо только признать это обстоятельство и сделать из него теоретические выводы. Так, например, было бы естественно дополнить традиционные понятия ожиданий, целей, мотивов и программ человека, относящихся к его собственной деятельности, понятиями ожиданий, целей, мотивов и программ, адресованных другим активным субъектам — членам семьи, товарищам и друзьям, работникам сферы обслуживания, должностным лицам..

По видимому, первичными и наиболее универсальными являются невербальные способы коммуникации этих целей и программ окружающим людям. Нетрудно заметить, что хорошо известные по литературе внешние формы выражения эмоций [16], [36], [39] (например, горя или гнева) в мимике, пантомимике, характеристиках голоса во многих случаях могут быть истолкованы именно как способы передачи другим людям информации о необходимой с их стороны помощи субъекту. Задача использования как своей, так и чужой деятельности для удовлетворения потребностей субъекта и является, очевидно, основной причиной двойной обращенности эмоций — вовнутрь (специфические ощущения удовольствия и страдания, о которых шла речь выше) и вовне (выражение эмоций в движениях, легко различимых внешним наблюдателям или слушателем).

При анализе потребностей и ресурсов возникает также вопрос о количественных соотношениях между ними.

В ряде случаев в распоряжении индивида имеется *больше* ресурсов, чем необходимо для удовлетворения его потребностей. В подобной ситуации каждая мелкая порция того или иного ресурса не воспринимается индивидом как ценность, он не боится ее поте-

рять и ведет счет в более крупных единицах, чем тот, у кого данных средств не хватает. Это и понятно, поскольку потери в пределах избытка ресурсов никак не снизят уровень удовлетворения тех потребностей, для которых пригодны соответствующие средства. Таким образом, избыточность ресурсов для удовлетворения важных для человека потребностей дает ему чувство уверенности и надежности, избавляет от страха перед потерями и от необходимости считать каждую мельчайшую единицу ресурса (например, копейку). Избыточность имеющихся ресурсов обычно осознается человеком как наличие замен, замещающих действий [42], [43], запасных вариантов, позволяющих гибко менять способы удовлетворения потребности. Когда в составе избыточных ресурсов имеются разнокачественные функциональные эквиваленты, возникает ситуация выбора — человеку приходится решать, какие именно из имеющихся разнородных средств использовать для удовлетворения потребности, а какие оставить без употребления.

Один из примеров подобных решений — выбор человеком своей или чужой деятельности как средства удовлетворения потребностей. Можно полагать, что именно осуществление подобного выбора и решение использовать деятельность окружающих (расчеты и упования на других) — одна из психологических предпосылок пассивности. С этим предположением согласуются эмпирические данные, свидетельствующие о том, что чем выше человек оценивает важность помощи родителей и родственников, а также связей с «нужными» людьми, тем меньше пользы он ожидает от таких проявлений собственной активности, как трудолюбие, чуткость и отзывчивость, наличие цели в жизни, но зато большее значение придает сравнительно пассивным формам деятельности, которые выражаются в «умении приспособиться» (неопубликованные материалы О. Б. Божкова).

В осуществлении подобных выборов велика роль социально-культурных, в том числе и педагогических, влияний — социальных предписаний, разрешений

и запретов. При наличии множества объективных возможностей эти нормы акцентируют лишь один или несколько вариантов удовлетворения какой-либо потребности. Например, социальная норма устойчивости и верности содержит ограничения, препятствующие замене сложившихся у человека связей с другими людьми и социальными группами. Норма социальной ответственности фиксирует правила поведения человека в ситуациях, где число потенциальных исполнителей избыточно и где поэтому велика вероятность «диффузии ответственности» (о феномене «диффузии ответственности» см. [38], [26], [22]). Эта норма предписывает действовать тому, кто обладает большими ресурсами, чьи действия будут связаны с меньшими издержками и т. п.

Подобные культурно-нормативные воздействия и обеспечивают, по-видимому, широкий разброс способов удовлетворения одних и тех же конечных потребностей в разные исторические периоды, у разных категорий населения, в разных социально-культурных общностях. По-видимому, представления человека о ценностях именно высоких порядков, т. е. о средствах или потребностях в них, — это те аксиологические феномены, которые в наибольшей степени поддаются социальному влиянию и формированию. В то же время информация о конечных (или близких к конечным) потребностях и благах более жестко детерминирована биологическими факторами. Это объясняется тем, что потребности и блага низких порядков остаются неизменными на протяжении жизни многих поколений, информация о них стареет медленно и может поэтому передаваться по генетическим каналам связи, обладающим большой инертностью. Ценности же высоких порядков, т. е. средства и потребности в них, гораздо более динамичны, информация о них стареет быстро и должна значительно обновляться для каждого нового поколения людей. Это возможно только при передаче ее по более оперативным социокультурным каналам.

Если ресурсов *меньше*, чем необходимо, или же ровно столько, сколько

нужно для удовлетворения потребностей, то у человека возникает ощущение их незаменимости, актуальной для него становится задача их бережного и экономного расходования. Чтобы сформировалось подобное отношение к личным и общественным ресурсам, нужны определенные психологические условия. Необходимо помочь человеку наглядно представить себе ограниченный объем имеющихся средств и многообразие потребностей, для которых необходимы эти средства. Это легче сделать при наличии сравнительно небольших порций ресурсов, например при более мелкой фасовке продовольственных товаров (особенно дешевых), при более детальном дозировании предоставляемых работнику производственных ресурсов.

Проблема экономии стоит очень остро по отношению к такому универсальному ресурсу, каким является время. У человека часто возникает иллюзия того, что времени для достижения дальней цели имеется в избытке и можно поэтому без ущерба пожертвовать его частью, отложив работу «на завтра». Примечательно, что преодолеть иллюзию вольготности и более эффективно использовать время помогает в этих случаях постановка относительно близких промежуточных целей.

Вместо задач выбора и замены *ресурсов*, которые были актуальны при избытке средств для удовлетворения потребностей, человек теперь сталкивается с необходимостью выбора и замены *потребностей*, которые подлежат удовлетворению. Вместо лишних (неиспользуемых) ресурсов теперь возникает категория лишних (неудовлетворяемых) потребностей. Человек упорядочивает потребности, претендующие на ограниченный объем ресурсов, по их значимости. Тем самым формируется определенная иерархия потребностей и целей, которая, по существу, является системой приоритетов в использовании ограниченных ресурсов [28, 202].

1. Анциферова Л. "И. Принцип связи сознания и деятельности и методология психологии.— В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, с. 57—117.
2. Баранов А. В. Социально-демографическое развитие крупного города.— М., 1981.— 191 с.
3. Божович Л. И. Проблема развития мотива-

ционной сферы ребенка.— В кн.: Изучение мотивации поведения детей и подростков. М., 1972, с. 7—44.

4. *Вальдман А. В., Козловская М. М., Медведев О. С.* Фармакологическая регуляция эмоционального стресса.— М., 1979.— 360 с.

5. *Виллюнас В. К.* Психология эмоциональных явлений.— М., 1976.— 142 с.

6. *Гаврилова Т. П.* Экспериментальное изучение эмпатии у детей младшего и среднего школьного возраста.— Вопросы психологии, 1974, № 5, с. 107—114.

7. *Геодакян В. А.* Организация систем — живых и неживых.— В кн.: Системные исследования. М., 1970, вып. 2, с. 49—62.

8. *Гербачевский В. К.* Уровень притязаний и характеристики интеллекта.— Экспериментальная и прикладная психология, 1973, вып. 5, с. 101—106.

9. *Головаха Е. И., Кроник А. А.* Психологическое время личности.— Киев, 1984.— 260 с.

10. *Голофаст В. Б.* Методологический анализ в социальном исследовании.— Л., 1981.— 159 с.

11. *Джемс У.* Психология.— СПб., 1898.

12. *Дилигенский Г. Г.* Кризис капитализма и проблема потребностей.— Вопросы философии, 1982, № 2, с. 95—102.

13. *Додонов Б. И.* Эмоция как ценность.— М., 1978.— 272 с.

14. *Дробницкий О. Г.* Мир оживших предметов.— М., 1967.— 351 с.

15. *Ивин А. А.* Основания логики оценок.— М., 1970.— 230 с.

16. *Изард К. Е.* Эмоции человека.— М., 1980.

17. *Каган М. С.* Человеческая деятельность.— М., 1974.— 328 с.

18. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность.— М., 1975.— 304 с.

19. *Ломов Б. Ф.* К проблеме деятельности в психологии.— Психологический журнал, 1981, т. 2, № 5, с. 3—22.

20. *Ломов Б. Ф.* Проблема личности в советской психологической науке.— В кн.: Проблемы психологии личности. М., 1982, с. 4—11.

21. *Магун В. С.* О взаимосвязи между значимостью различных потребностей личности и их удовлетворенностью.— Вопросы психологии, 1978, № 6, с. 86—93.

22. *Магун В. С.* Потребности и психология социальной деятельности личности.— Л., 1983.

23. *Мерлин В. С.* Проблемы экспериментальной психологии личности (главы из монографии).— В кн.: Проблемы экспериментальной психологии личности. Пермь, 1970, вып. VI, с. 7—212.

24. *Миллер Дж.* Магическое число семь, плюс или минус два.— В кн.: Инженерная психология. М., 1964, с. 192—225.

25. *Милнер П.* Физиологическая психология.— М., 1973.— 647 с.

26. *Муздыбаев К.* Психология ответственности.— Л., 1983.— 240 с.

27. *Мялкин А. В.* Способности и потребности личности.— М., 1983.— 260 с.

28. *Наумова Н. Ф.* Психологические механизмы свободного выбора.— В кн.: Системные исследования. М., 1983, с. 197—221.

29. *Олвер Р. Р., Хорнсби Дж. Р.* О составлении групп эквивалентных предметов.— В кн.: Исследование развития познавательной деятельности. М., 1971, с. 99—118.

30. *Олдс Дж.* Нейроны «награды» и самостимуляция мозга.— В кн.: Функциональное значение электрических процессов головного мозга. М., 1977,

31. *Симонов П. В.* Условные реакции эмоционального резонанса у крыс.— В кн.: Нейрофизиологический подход к анализу внутривидового поведения. М., 1976, с. 6—26.

32. *Симонов П. В.* Эмоции и воспитание. (Вопросы воспитания в свете информационной теории эмоций).— Вопросы философии, 1981, 5, с. 39—48.

33. *Слободчиков В. И.* Психологические особенности знаний ребенка о предметном мире в младшем школьном возрасте: Автореф. канд. дис.— М., 1976.— 23 с.

34. *Смирнов В. М.* Эмоциональные проявления у больных при лечении методом долгосрочных интрацеребральных электродов.— Вопросы психологии, 1966, № 3, с. 85—95.

35. *Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности человека.— М., 1969.— 304 с.

36. *Якобсон П. М.* Чувство.— В кн.: Педагогическая энциклопедия М., 1968, т. 4, с. 675—681.

37. *Allport G. W.* Personality: a psychological interpretation.— New York, 1937 — 453 p.

38. *Darley J. M., Latane B.* Bystander intervention in emergencies: diffusion of responsibility.— Journal of Personality and Social psychology, 1968, v. 8, p. 377—383.

39. *Ekman P.* (Ed.) Emotion in the human face. Sec. edition — Cambridge, Mass., 1982 — 365 p.

40. *Latane B., Darley J.* The unresponsive bystander: Why does not he help? — New York, 1970.— 131 p.

41. *Lewin K., Dembo T., Festinger L., Sears P. S.* Level of aspiration.— In: J. McV. Hunt. (Ed.) Personality and behavior disorders (vol. 1). New York, 1944.

42. *Lissner K.* Die Entspannung von Bedürfnissen durch Ersatzhandlungen.— Psychologische Forschung, 1933, Bd. 18.

43. *Mahler W.* Ersatzhandlungen verschiedener Realitätsgrades.— Psychologische Forschung, 1933, Bd. 18.

44. *Mitchell T. R.* Expectancy models of job satisfaction, occupational preference and effort: a theoretical, methodological and empirical appraisal.— Psychological Bulletin, 1974, v. 81, p. 1053—1077.

45. *Mitchell T. R., Biglan A.* Instrumentality theories: current uses in psychology.— Psychological Bulletin, 1971, v. 76, p. 432—454.

46. *Piliavin J. A., Piliavin I. M.* Effect of blood on reactions to a victim.— Journal of Personality and social psychology, 1972, v. 23, p. 353—361.

47. *Schiemberg L. B., Smith K. U.* Human development.— New York, 1982.— 684 p.

48. *Stotland E.* Exploratory investigations of empathy.— In: Advances in experimental social psychology.— New York, 1969, v. 4.

Поступила в редакцию 14.V. 1984 г.